Д. РЯЗАНОВ

ЕГ165
Р991

ВЗГЛЯДЫ МАРКСА и ЭНГЕЛЬСА НА БРАК и СЕМЬЮ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ЕТ165
Р99

Д. РЯЗАНОВ

ВЗГЛЯДЫ МАРКСА и ЭНГЕЛЬСА НА БРАК и СЕМЬЮ

★

2-й экз

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1927

Типография и словолитня
„КРАСНАЯ ПРЕСНЯ“
(Мосполиграф)

* * *

Главлит. № 90401. Тираж 7.000.

ЕГ165
Р 991

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
ПРИ Ц.К.В.К.П.(б)

10178

205093
205093

ВЗГЛЯДЫ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА НА БРАК И СЕМЬЮ[1]

I

В связи с обсуждением на последней сессии ВЦИК нового проекта закона о браке и семье, принятого в конце концов в значительно измененной форме, был затронут принципиальный вопрос,—вопрос об отношении коммунизма, научного социализма к браку и семье.

Тов. Курский, главный докладчик, заявил:

«Придет время (я глубоко убежден в этом), когда мы приравняем регистрацию во всех отношениях к фактическому браку или уничтожим совсем. Регистрация будет только статистически учитывать эти явления, поскольку их всегда необходимо будет учитывать».

---

[1] В основу брошюры положен доклад, прочитанный в декабре 1926 г.

Тов. Крыленко еще более подчеркнул преимущества нового законопроекта:

«Он (этот проект) делает шаг вперед в смысле приближения к идеалу коммунистического общества, где вообще брачные отношения не должны будут подлежать какой бы то ни было принудительной регламентации».

Тут нашла себе выражение точка зрения, которую—правда, не всегда последовательно—защищает тов. Преображенский. В очень интересной книжке «О морали и классовых нормах» он говорит:

«Конкретно, можно ли с точки зрения пролетарских интересов поставить и дать ответ на вопрос, какие формы общения полов больше совместимы, если не с теперешними социальными отношениями и социальными интересами, то с отношениями социалистического общества: моногамия, кратковременные связи или так-называемое беспорядочное половое общение? До сих пор защитники той или иной точки зрения в этом вопросе скорее обосновывали всевозможными аргументами свои личные вкусы и привычки в этой области, чем давали правильный, социологически и классово обоснованный ответ.

Кому больше нравился несколько филистерский личный семейный быт Маркса (я позволю себе прибавить, и Ленина.—*Д. Р.*) и кто по своим наклонностям предпочитал моногамию, тот пытался возвести в догмат и норму моногамную форму брака, подбирая для этого медицинские и социальные аргументы. Те, которые склонны к обратному, пытаются выдать быстротечные браки и «половой коммунизм» за естественную форму брака в будущем обществе, при чем иногда проведение на практике этого типа общения между полами с гордостью рассматривают, как «протест на деле» против мещанской семейной морали настоящего».

«Быстротечный брак» и «половой коммунизм»—это новые формы выражения для полетов и порханий крылатого Эроса. Не удивительно, что приверженцы этого «типа общения между полами» сильно переполошились, когда узнали, что на сессии ВЦИК нашлись противники нового «истинно-коммунистического» законопроекта не только среди беспартийных филистеров, но и среди коммунистов. Противников «мещанской семейной морали настоящего» охватила тревога. Наиболее яркое выражение эта тревога нашла в стихотворении поэта-комсомольца,

который от имени всей комсомолии выступил в защиту нового законопроекта, за «право на любовь».

О любящие — в строй! Все будьте наготове!
Пусть грянет стук сердец, как барабанный стук.
Сегодня суд вершат над нашею любовью,
Сегодня бой идет простым поднятьем рук.
Послав ко всем чертям высокое искусство,
Сегодня я кричу простую мысль мою:
За Курского! За кодекс Наркомюста!
За новую семью!

Товарищи, я цитировал это барабанное «слово большевика» только потому, что оно «произнесено» официальным поэтом комсомолии. Это мнение поэта, средне одаренного поэтически, но политически очень безграмотного, лучше всего показывает, как необходимо было поставить в дискуссии принципиальный вопрос о «праве на любовь».

Не знаю, на каких крыльях летала тут фантазия тов. Безыменского. Но нужно не иметь никакого понятия о программе партии, о действующем советском законодательстве, чтобы всерьез на страницах центрального органа ВЦИК и ЦИК, а не «Бузотера», истошным голосом кричать, что на десятом году Советской власти кто-то совершал на-

стоящее преступление, собирался вновь опутать женщин цепями старой семьи.

О женщины — вперед! Каким-то там калекам
Вас хочется загнать в былую клетку вновь
И вновь надеть ярмо, как получеловекам,
Назвав это ярмо «законная любовь».
Иным мила кровать, но не мила расплата,
Так двиньте же вперед все пушки ваших мук,
Чтоб не была ярмом и знаменем разврата
Штампованная честь супругов и супруг.

Можно не соглашаться с идеологией «крылатого Эроса», но нельзя отрицать, что в ней звучало искреннее чувство протеста против старой семьи, что в ней нашла,—правда, не всегда вполне правильное,—отражение гениальная критика, которой подвергали буржуазную семью великие утописты-социалисты.

Орлам случается и ниже кур спускаться,
Но курам никогда до облак не подняться.

Фантазия наших поэтических «кур» или «петухов» выше кровати не поднимается. Она и в десятый год диктатуры пролетариата все еще беспомощно путается в вопросе о «праве на любовь».

В другом докладе, который будет посвящен «старому» закону, т.-е. закону Октябрь-

ской революции, и «новому» закону, т.-е. законопроекту Наркомюста, в защиту которого мобилизованы были «полки сердец и глаз», я укажу на целый ряд легенд, которые созданы были в связи с этой дискуссией.

Сегодня я ограничусь только одним. Я хочу ответить на вопрос: будут ли брак и семья подвергаться регламентации в социалистическом и коммунистическом обществе, какие формы «общения полов» больше соответствуют уровню культуры, который будет достигнут в условиях такого общества? А для этого лучше всего проследить развитие взглядов Маркса и Энгельса на эти вопросы. Мы увидим тогда, какие взгляды больше сходятся или расходятся с основными принципами научного коммунизма, которые были установлены Марксом и Энгельсом.

II

Программа научного коммунизма впервые была изложена в «Коммунистическом манифесте». Миросозерцанию буржуазии было противопоставлено миросозерцание пролетариата. С точки зрения интересов последнего подвергнуты были критике основные учреждения буржуазного общества, в том числе брак и семья. В этой критике Маркс и Энгельс имели предшественников. Они не

являются «творцами» совершенно новой системы, они не высасывали ее из собственного пальца, они не создавали ее из «глубин» собственного духа,— они опирались на все достижения предшествовавших им социалистов и коммунистов, главным образом великих утопистов—Сен-Симона, Фурье, Оуэна и французских материалистов-коммунистов.

В сочинениях и памфлетах этих мыслителей и их последователей была дана такая исчерпывающая критика старой буржуазной семьи и основанного на праве частной собственности брака, что Марксу и Энгельсу не нужно было повторять ее. Уже сто лет тому назад, задолго до «Манифеста», было доказано, что в буржуазном браке нет никаких элементов свободного, основанного только на взаимной личной привязанности, союза, что в буржуазном браке только в редких случаях, как исключение, сквозь путы и оковы буржуазных отношений прорывается то, что называется свободным чувством. Апология этого свободного чувства, реабилитация, оправдание «плоти» в противоположность ее принижению христианской религией и мещанской моралью, перестройка семьи на основах нового, социалистического быта — вот главное содержание этой критики.

Когда учения великих утопистов проникли в рабочую среду, пролетарии с своей стороны занялись обсуждением вопроса о браке и семье. Я сейчас перейду к изложению тех взглядов, которые Маркс и Энгельс защищали, после того как они вступили в контакт с пролетарской средой, но сначала хочу с вами проследить развитие взглядов Маркса и Энгельса в их «досоциалистический период».

Дело в том, что Маркс, как и Энгельс, ставший коммунистом несколько раньше, подвергся, вместе со всей немецкой интеллигенцией, влиянию некоторых идей утопистов еще в тот период своего развития, когда он был только политическим демократом. Передовые люди Германии, в особенности представители так-называемой «Молодой Германии», уже во второй половине 30-х годов (XIX столетия) испытали на себе сильное влияние сен-симонистских учений об эмансипации женщины. Кто знаком с русской литературой 40-х годов, тот знает, какое влияние эти учения имели на лучших представителей нашей свободомыслящей интеллигенции еще до того, как они стали более или менее последовательными социалистами. Не только русские младогегельянцы, но и немецкие, не

могли согласиться с своим учителем, что мужчина имеет свою особенную, только ему присущую, сферу деятельности — государственную, научную и т. д., что призвание женщины заключается в культе семьи, что брак есть один из абсолютных принципов, на которых покоится вся общественная жизнь.

В одной из своих ранних статей («Ландшафты», июль 1840 г.) двадцатилетний Энгельс пишет, что «не далека уже пора, когда женские сердца начнут биться за идеалы современности так же горячо, как они бьются за набожную веру отцов», что «лишь тогда наступит победа нового, когда молодое поколение станет его впитывать вместе с молоком матери».

Марксу, в качестве сотрудника, а после и редактора «Рейнской Газеты», пришлось высказаться о браке два раза: сначала в полемике против исторической школы права, затем—в связи с законопроектом о разводе.

«Школа, узаконяющая подлость сегодняшнего дня подлостью вчерашнего, школа, об'являющая мятежным всякий крик крепостных против кнута, если только этот кнут—старый и прирожденный исторический кнут, школа, которой история показывает, как бог Изра-

иля своему слуге Моисею, только свою заднюю», историческая школа права, в лице ее творца Гуго, призывала подчиниться существующему только потому, что оно существует. Маркс разбирает по пунктам взгляды Гуго, который «находил все разумное и нравственное в учреждениях сомнительных с точки зрения разума»—рабстве, абсолютизме—и, наоборот, говорил, что «в браке и в других нравственно-правовых институтах нет разума».

Только недавно мы узнали, что из этой статьи цензура выбросила целую главу, а именно главу о браке. Благодаря любезности одного немецкого ученого[1], которому удалось достать рукопись, сохранившуюся у какого-то коллекционера, мы получили эту выпущенную главу.

Гуго находит, что брак очень часто признавали более разумным учреждением, чем это оказывается при внимательном рассмотрении. «Правда,—прибавляет Маркс,—господину Гуго нравится, что в браке удовлетворяется половое влечение». Почтенный профессор находит даже, что этот факт лучше

---

[1] Профессора Гансена.

всего показывает, как неправильно утверждать, вместе с Кантом, что нельзя использовать тело человека, как средство для достижения цели. «Но освящение полового влечение его исключительностью, — замечает Маркс,—связывание влечения законодательными нормами, нравственная красота, претворяющая веление природы в момент духовного единения, духовная сущность брака,—все это вызывает у господина Гуго большие опасения». Чтобы лучше характеризовать «фривольное бесстыдство» почтенного профессора, Маркс приводит следующую цитату:

«Еще более рискованным является второе условие, что вне брака удовлетворение полового влечения не дозволяется. Животная природа человека—против такого ограничения. Его разумная природа протестует еще сильнее потому... угадайте!.. потому, что человек должен был бы быть почти всеведущим, чтобы предвидеть, к какому результату это приведет, потому что это значит искушать бога, если берут на себя обязанность удовлетворять одну из сильнейших естественных потребностей только тогда, когда это можно сделать лишь с определенной другой личностью».

Оказывается, что историческая школа права, несмотря на свою глубокую старость, сходится в своих высказываниях с некоторыми очень молодыми комсомольцами, противниками «штампованной чести супругов и супруг». Если основоположник исторической школы права замечал только «животную» сторону человеческих отношений, созерцал только «заднюю» исторического процесса, то современные Тиртеи, ведущие «на приступ за право на любовь полки сердец и глаз», все время болтая, в простой или рифмованной прозе, о пролетарской культуре, в действительности созерцают только «заднюю» пролетариата.

Даже с точки зрения гражданского порядка брак, по мнению Гуго, представляет неудобства. Он налагает на полицию нравов неразрешимую задачу. Вообще, это—весьма несовершенное учреждение. Вопрос о многобрачии или единобрачии определяется животной природой человека. «Посмотрите,—заканчивает Маркс,—в какой школе обучается немецкая молодежь!»

В статье «Проект закона о разводе» [1]

---

[1] «Рейнская Газета», 19 декабря 1842 г. Напечатана мною впервые в русском издании сочинений Маркса и Энгельса. Мерингу она осталась неизвестной.

Маркс вскрывает все недостатки и противоречия прусского законопроекта, который был составлен в июле 1842 г. Между прочим он указывает, что брак рассматривается законодательством не как нравственный, а как религиозный и церковный институт, что, следовательно, мирская сущность брака игнорировалась. Если законодательство не может декретировать нравственности, то оно еще меньше может юридически санкционировать безнравственность. Если бы брак не был основой семьи, то он в такой же малой степени являлся бы предметом законодательства, как, например, дружба. Никто не принуждается к заключению брака, но всякий должен подчиняться законам брака, раз он вступил в брак. Всякий, кто заключает брак, не творит, не изобретает брака, он также мало творит, и изобретает брак, как плавающий—природу и законы воды и тяжести. Брак поэтому не может подчиняться его произволу, а, наоборот, его произвол должен быть подчинен браку.

Но является ли брак нерасторжимым, обязаны ли супруги быть «верными друг другу до гроба», допустим ли развод? Ссылка на Гегеля, по мнению Маркса, не выдерживает критики.

Гегель говорит: в себе, в понятии, брак нерасторжим, но только в себе, т.-е. только в понятии. Этим, однако, не указывается что-либо специфическое, отличающее только брак. Все нравственные отношения нерасторжимы по своему понятию, как легко убедиться, если предположить их истинность. Истинный государственный союз, истинный брак, истинная дружба нерасторжимы, но никакое государство, никакой брак, никакая дружба не соответствуют вполне своему понятию, и как реальная дружба даже в семье, как реальное государство в мировой истории, так и реальный брак в государстве расторжим.

Развод есть только констатирование: данный брак есть мертвый брак, существование его есть только видимость и обман. Само собою разумеется, что не произвол законодателя, не произвол частных лиц, а только существо дела решает каждый раз, умер ли брак или нет, ибо судебное признание факта смерти, как известно, зависит от сущности дела, а не от желания заинтересованных сторон.

Уверенность в том, что предпосылки, при которых существование какого-нибудь нравственного отношения не соответ-

ствует более своему назначению, констатируются правильно, без предвзятых мнений и в соответствии как с выводами науки, так и с общим правосознанием,—эта уверенность, конечно, будет только тогда существовать, когда закон явится сознательным выражением народной воли, следовательно, с ней и через нее будет получать жизнь.

Законодатель может в отношении брака только установить, при каких условиях он является по существу своему уже расторгнутым. Судебное расторжение может быть только протоколированием внутреннего распада.

III

Мне могут сказать, что эти взгляды Маркса высказывались им, когда он еще не был коммунистом и когда он, несомненно, еще не был «марксистом». Правда, последняя статья писана Марксом, когда он уже покидал точку зрения буржуазной демократии, чтобы стать на точку зрения пролетарской. Перейдем теперь к изложению его взглядов, как они начали развиваться после того, как он, в своей статье «К критике гегелевской философии права», впервые формулировал историческую миссию пролетариата: уничтоже-

БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ ПРИ ЦК ВКП(б)

ние классового характера общества, полное освобождение человечества от всяких оков, налагаемых на его развитие частной собственностью, установление коммунистического строя.

Вырабатывая принципы научного коммунизма, Маркс вынужден был сначала подвергнуть критике учение представителей того коммунизма, который он называет «грубым и нецивилизованным» и даже реакционным. Восставая против частной собственности, эти коммунисты не столько уничтожали частную собственность, сколько превращали ее во всеобщую частную собственность. Их коммунизм являлся обобщением частной собственности. В «Коммунистическом манифесте» мы имеем только итоги этой критики. Мне посчастливилось, однако, найти рукопись Маркса, в которой он подвергает критике этот «грубый», «сырой» коммунизм не только в отношении его к частной собственности вообще, но и к браку. Я заранее прошу извинения за длинную цитату [1].

«Рассматривая частную собственность в ее всеобщности, коммунизм является в своей

---

[1] Новая рукопись Маркса будет напечатана в третьей книге «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса».

первой форме только обобщением и завершением ее. В качестве этого завершения он имеет двоякий вид: с одной стороны, он так переоценивает роль и господство вещественной собственности, что он хочет уничтожить все, что не может стать достоянием и частной собственностью всех; он хочет насильственным образом устранить таланты и т. д. Непосредственное физическое обладание является в его глазах единственной целью жизни, форма деятельности рабочего здесь не уничтожается, а распространяется на всех людей.

«Отношение частной собственности сохраняется и в отношении коллективности к миру вещей. Наконец, это движение, стремящееся противопоставить частной собственности всеобщую частную собственность, выражается в совершенно животной форме, когда оно противопоставляет браку (являющемуся, конечно, известной формой исключительной частной собственности) общность женщин, когда, следовательно, женщина становится у него общественной и низкой собственностью. Можно сказать, что в этой идее об общности женщин высказана тайна этой, еще совершенно грубой и

бессмысленной, формы коммунизма. Подобно тому как женщина покидает брак для царства всеобщей проституции, так и весь мир богатства, т.-е. предметной сущности человека, переходит из состояния исключительного брака с частным собственником ко всеобщей проституции с коллективностью. Проституция есть лишь особенное выражение всеобщей проституции рабочего, и так как проституция захватывает не только проституируемого, но и проституирующего (низость которого еще больше), то в эту категорию попадает и капиталист и т. д. Этот коммунизм, отрицающий повсюду личность человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности, являющейся этим отрицанием.

«В отношении к женщине, как к добыче и об'екту, служащему для удовлетворения общественной похоти, выражено бесконечное вырождение человека, когда он существует сам для себя, ибо тайна отношения между человеком и человеком находит свое недвусмысленное, решительное, открытое, явное выражение в отношении между мужчиной и женщиной и в подходе к этому естественному, непосредственному родовому отношению. Непосредственное, естественное,

необходимое отношение человека к человеку, это—отношение мужчины к женщине. В этом естественном родовом отношении отношение человека к природе есть непосредственным образом его отношение к человеку, подобно тому как его отношение к человеку есть непосредственным образом его отношение к природе, его собственное природное свойство. Следовательно, в этом отношении проявляется в чувственном, наглядно фактическом виде то, насколько стала для человека природой человеческая сущность или насколько природа стала человеческой сущностью человека. Поэтому на основании этого отношения можно вообще судить о степени развития человека. Из характера этого отношения видно, насколько человек стал родовым существом, стал человеком, до какой степени он это понимает.. Отношение мужчины к женщине есть естественнейшее отношение человека к человеку. Следовательно, в нем обнаруживается, насколько естественное поведение человека стало человеческим или насколько человеческая сущность стала для него естественной сущностью, насколько его человеческая природа стала для него природой. В этом отношении обнаруживается также, насколько потреб-

ность человека стала человеческой потребностью, т.-е. насколько другой человек стал для него, как человек, потребностью; в нем обнаруживается, насколько человек в своем индивидуальном бытии является в то же время общественным существом. Таким образом первая положительная форма уничтожения частной собственности, грубый коммунизм, есть лишь форма проявления низости частной собственности, желающей утвердить себя как положительная общественность».

Многие коммунисты и до сих пор не понимают, что их якобы весьма радикальные рассуждения о многобрачии представляют только отражение этого «грубого коммунизма», который механически переносил на будущее общество многие представления и понятия, создавшиеся в обществе, основанном на частной собственности.

«Частная собственность,—пишет Маркс,—сделала нас столь тупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является нашим лишь тогда, когда мы им обладаем, когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьем, носим на своем теле, живем в нем и т. д., когда мы; говоря коротко, потребляем его... Поэтому на место всех физи-

ческих и духовных чувств стало простое отчуждение всех этих чувств, чувство обладания. До такой вот абсолютной нищеты должна была быть доведена человеческая сущность, чтобы она могла породить из себя свое внутреннее богатство».

С точки зрения теории, которая об'являет человека высшим существом для человека, которая доказывает необходимость уничтожения всех общественных условий, принижающих и унижающих человека, превращающих его в предмет унижения, эксплоатации, удовлетворения чужих потребностей,—с точки зрения этой теории всякая попытка приравнять такую естественную потребность, как потребность в пище, к такой естественной потребности, как половое влечение, свидетельствует только о крайне низком культурном уровне. Предмет удовлетворения первой потребности только об'ект, предмет удовлетворения второй—человек, существо действующее и страдающее, существо общественное.

Но и самые потребности в процессе человеческой истории, в процессе превращения человека из животного в человека, все больше и больше очеловечиваются. «Не только обычные пять чувств, но и так-называемые

духовные чувства, практические чувства (воля, любовь и т. д.), одним словом человеческий смысл, человечность чувств, возникают только благодаря бытию их предмета, благодаря очеловеченной природе. Развитие пяти чувств, это—продукт всей всемирной истории. Чувства, находящиеся в плену грубой практической потребности, обладают только ограниченным смыслом. Для изголодавшегося человека не существует человеческой формы пищи, а существует только ее отвлеченное бытие как пищи: она могла бы с таким же успехом иметь самую грубую форму, и невозможно сказать, чем отличается этот способ удовлетворения потребности в пище от животного способа удовлетворения ее».

Точно так же половое влечение переживает, в процессе всемирной истории, ряд метаморфоз от животного способа удовлетворения его до «величайшего нравственного прогресса», достигнутого, по словам Энгельса, человечеством: современной индивидуальной половой любви.

IV

Я уже сказал, что Маркс и Энгельс очень рано испытали на себе влияние идей сенсимонизма—по вопросу о женской эманси-

пации—в той форме, какую эти идеи нашли в литературе «Молодой Германии». Только что мы видели, что Маркс в 1844 г., стараясь уяснить себе основные принципы коммунизма, подвергает критике взгляды «грубого» коммунизма.

Кто же являлся выразителем этих взглядов, в какой среде пропагандировались эти взгляды? Ответ мы находим в другом сочинении Маркса и Энгельса—в «Святом семействе», в котором они окончательно сосчитались со старой идеалистической философией. В главе о французском материализме, в которой Маркс показывает, как учения этого материализма приводили непосредственно к социализму и коммунизму, он называет бабувистов—последователей Бабёфа, бабувизма, тогда самого популярного учения среди революционных рабочих организаций,—«грубыми (сырыми, неотесанными), нецивилизованными материалистами». В своей критике буржуазной семьи и брака они зачастую ударялись в противоположную крайность. Гораздо выше Маркс ставил «мастерскую характеристику брака», данную в сочинениях Фурье и Оуэна, в особенности первого. Именно взгляды Фурье он противопоставляет пошлой филантропии когда-

то популярного французского романиста Евгения Сю, герой которого, принц Рудольф, по словам Маркса, не понимает, что «все положение женщины в современном обществе обесчеловечивает ее». В приводимых Марксом цитатах из Фурье мы уже находим мысли, которые после встретим в «Манифесте».

«Нарушение супружеской верности, обольщение девушки приносят соблазнителю честь, считаются хорошим тоном. Но бедная девушка! Действительно, какое преступление! Если она дорожит своею честью, она должна уничтожить следы своего бесчестия, а если она жертвует своим ребенком во имя предрассудков этого мира, то она подвергается еще большему позору и делается жертвой предрассудков закона. Вот порочный круг, который описывается механизмом цивилизации.

«Точно так же, как в грамматике два отрицания составляют утверждение, так и в брачной сделке две проституции составляют добродетель... Развитие данной исторической эпохи лучше всего определяется отношением между прогрессом женщины и свободой, так как в отношениях между женщиной и мужчиной, слабым и сильным, наиболее отчетливо выявляется победа челове-

ческой природы над зверством. Степень женской эмансипации представляет естественное мерило всеобщей эмансипации... Унижение женского пола есть существенная отличительная черта как цивилизации, так и варварства, с тем только различием, что порок, который практикуется варварством без всяких прикрас, цивилизация поднимает на степень сложного, двусмысленного, непристойного, лицемерного бытия... Никого не унижает более глубоко такое преступление, как содержание женщины в рабстве, чем самого мужчину».

В книге «Положение рабочего класса в Англии», написанной также зимой 1844—1845 г., Энгельс рисует картину рабочей семьи. Он указывает на половую распущенность, как на один из главных пороков там, где рабочий еще не стал сознательным членом революционной армии труда и пребывает в покорности буржуазному общественному порядку.

«Когда люди поставлены в положение, могущее удовлетворять только животное, им остается лишь возмущаться или самим превращаться в животных. И буржуазия меньше, чем кто-либо другой, имеет право упрекать рабочих за половую распущенность,

потому что она сама содействует росту проституции». Условия, в которые буржуазное общество ставит рабочих, делают, по мнению Энгельса, невозможной «нормальную семейную жизнь».

Весною 1845 г. Маркс и Энгельс встретились в Брюсселе. Маркс успел к этому времени сделать шаг дальше в развитии своего мировоззрения. Он уже не довольствуется «созерцательным» материализмом Фейербаха. «Философы лишь различным образом о б ъ я с н я л и мир, но дело заключается в том, чтобы и з м е н и т ь его». Бытие определяет сознание, однако, это бытие не только е с т е с т в е н н о е бытие, природа, но и о б щ е с т в е н н о е бытие. Человек не есть только нечто п р и р о д н о е, в еще большей степени он является результатом, с о в о к у п н о с т ь ю о б щ е с т в е н н ы х о т н о ш е н и й. Природа влияет на человека, но и последний, в свою очередь, влияет на природу, изменяет ее. «Материалистическое учение об изменении обстоятельств и воспитании забывает, что обстоятельства изменяются людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан». А такое «совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности, или самоизменение, может быть постигнуто и

рационально понятно только как революционная практика».

Маркс и Энгельс окончательно приходят к выводу, что каждый, стремящийся к господству класс,—если даже его господство означает, как в случае с пролетариатом, уничтожение всего старого общественного строя и господства,—должен прежде всего завоевать себе политическую власть, чтобы преобразовать общество «по своему образу и подобию». Коммунистическое сознание может развиваться только тогда, когда люди становятся в определенные условия, когда их практика изменяет их в определенном направлении, а это возможно только путем революции. Эта революция «необходима не только потому, что нельзя никаким иным способом свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс может только в революции очиститься от всей грязи старого общества и стать способным создать новое общество». Другими словами, сам пролетариат, в процессе гражданской войны и революции, должен очиститься от всей скверны старого буржуазного общества, освободиться от всех следов идеологии, развившейся на основе частной собственности, от старых взглядов

на религию, мораль, семью, брак и т. д., должен, одним словом, и сам «быть воспитан».

Свои новые взгляды Маркс и Энгельс развили подробно в большой работе, в которой подвергли обстоятельной и беспощадной критике самые радикальные учения немецкой интеллигенции, в том числе и Макса Штирнера. В его книге «Единственный и его собственность» дается самое последовательное изложение философского анархизма, но несмотря на весьма радикальную фразеологию, не уступающую по своему радикализму фразам наших певцов «права на любовь»,— Штирнер, как уже показывает и самое заглавие его книги, остается идеологом мещанского индивидуализма.

Маркс и Энгельс в своей критике касаются и взглядов Штирнера на брак и семью.

«Добрый малый,—пишут они,—опять видит господство святого там, где господствуют чисто эмпирические отношения. Буржуа относится к учреждениям своего общества, как еврей к закону: он обходит их, насколько возможно, в каждом отдельном случае, но хочет, чтобы все остальные повиновались им. Если бы все буржуа в массе сразу обошли все законы буржуазии, то они перестали

бы быть буржуа,— что, конечно, не приходит им в голову и нисколько не зависит от их желания. Развратный буржуа обходит брак и тайно занимается прелюбодеянием; купец обходит институт собственности других при помощи спекуляции, банкротств и т. д.; молодой буржуа добивается независимости от собственной семьи, практически разлагает семью в свою пользу; но брак, частная собственность, семья остаются теоретически неприкосновенными, ибо они представляют практическую основу, на которой буржуазия воздвигла свое господство, ибо в своей буржуазной форме они—условия, которые делают буржуа буржуем, точно так же, как всегда обойденный закон делает религиозного еврея религиозным евреем. Это отношение буржуа к своим условиям существования находит общее выражение в буржуазной нравственности. Вообще нельзя говорить о семье как таковой. Буржуа исторически придает семье характер буржуазной семьи, в которой связующим элементом является скука и деньги, с которой также связано буржуазное разложение семьи, при котором сама семья продолжает существовать. Ее грязному существованию соответствует ее священное понятие в офи-

циальной фразеологии и во всеобщем лицемерии. Там, где семья действительно разложена, как это мы видим у пролетариата, понятия семьи не существует вовсе, в то время как все же встречаются наклонности к семейной жизни, опирающиеся на очень реальные отношения. В XVIII веке философы разложили понятие семьи, потому что действительная семья на высших ступенях цивилизации начала разлагаться. Разрушена была внутренняя связь семьи, отдельные части, составляющие понятие семьи, как-то: повиновение, благочестие, супружеская верность и т. д. Но действительное тело семьи, имущественное отношение, исключительное отношение к другим семьям, принудительное сожительство, отношения, созданные наличностью детей, устройством современных городов, накоплением капитала и т. д.,—все это осталось, потому что существование семьи сделалось неизбежным благодаря ее связи с независимым от воли буржуазного общества способом производства. Характерным образом эта необходимость проявляется во время французской революции, когда семья, повидимому, была уничтожена законом. Семья продолжает существовать и в XIX веке, с той только разницей, что раз-

ложение ее стало всеобщим в силу более развитой промышленности и конкуренции; она продолжает существовать, несмотря на то, что французские и английские социалисты проповедывали ее разрушение еще задолго до французской революции».

V

Если до 1846 г. деятельность Маркса и Энгельса проходила главным образом в среде буржуазной интеллигенции, лучших представителей которой они старались привлечь на свою сторону, то, начиная с весны 1846 г., они посвящают свои силы организационной работе в среде рабочего класса. Маркс и Энгельс завязывают сношения с многочисленными рабочими группами в Германии, Франции и Англии и в то же время принимают деятельное участие в горячих программных дискуссиях, которые происходили в рабочих кружках. В результате такой двухлетней организационной и пропагандистской работы Марксу и Энгельсу удалось об'единить все эти кружки в «Союз коммунистов». Составление программы союза было поручено Марксу.

Основные пункты этой программы рассматривались предварительно в отдельных

кружках. Сохранились некоторые протоколы лондонского кружка, так-называемого «Немецкого рабочего общества самообразования». Из них видно, что дискуссия велась вокруг целого ряда формулированных в виде катехизиса вопросов. Среди них имеются два вопроса, относящихся к браку и семье. На вопрос (девятнадцатый): Как вы организуете в переходную эпоху воспитание детей?—следует ответ: «Все дети, начиная с того времени, когда они могут обходиться без материнского ухода, будут воспитываться и учиться в государственных учреждениях».

Вопрос двадцатый гласит: Будет ли вместе с уничтожением частной собственности проозглашена общность жен?

Ответ, принятый лондонской группой, гласит:

«Ни в каком случае. Мы будем вмешиваться в частные отношения между мужчиной и женщиной лишь постольку, поскольку они будут нарушать новый общественный строй. Мы очень хорошо знаем, что семейные отношения в ходе истории подвергались изменениям в зависимости от фаз собственности и развития и что поэтому и уничтожение частной собственности окажет на них самое решительное влияние».

Несомненно, что этот вопросник был в руках Энгельса, когда он писал вам всем известную брошюру «Принципы коммунизма». Мы находим в ней двадцать первый вопрос: Какое влияние окажет коммунистический строй на семью?

Как же отвечает Энгельс на этот вопрос?

«Отношения полов станут частным делом, которое будет касаться только заинтересованных лиц и в которое общество не может вмешиваться. Это возможно благодаря устранению частной собственности и воспитанию детей на общественные средства, вследствие чего обе основы современного брака уничтожаются, а именно зависимость жены от мужа и детей от родителей, возникающая вследствие частной собственности. В этом и заключается ответ на вопль высоко-моральных мещан по поводу коммунистического многоженства. Многоженство представляет собою явление, целиком принадлежащее буржуазному обществу и вполне осуществляемое в настоящее время посредством проституции. Но проституция основана на частной собственности и должна исчезнуть вместе с ней. Следовательно, коммунистическая организация не введет многоженства, а, наоборот, уничтожит его».

Написанный Энгельсом проект коммунистического катехизиса не был опубликован. По его же предложению форма катехизиса была отброшена, и программа союза была составлена в форме манифеста. Он был написан Марксом, который местами использовал проект Энгельса. Так как в «Коммунистическом манифесте» взгляды Маркса и Энгельса на брак и семью в буржуазном и будущем обществе нашли наиболее яркое выражение, то я позволю себе привести почти целиком весь соответствующий параграф.

«Уничтожение семьи! Даже самые крайние радикалы возмущаются этим гнусным намерением коммунистов.

«На чем держится современная буржуазная семья? На капитале, на частной наживе. В совершенно развитом виде она существует только для буржуазии, но она находит свое дополнение в вынужденной бессемейности пролетариев и в открытой проституции. Буржуазная семья естественно должна будет пасть вместе с падением этого ее дополнения, а обе они вместе исчезнут с исчезновением капитала. Буржуазные разглагольствования о семье и о воспитании, о задушевных отношениях родителей к детям внушают тем большее отвращение, чем более

разрушаются все семейные связи в среде пролетариата, благодаря крупной промышленности, и чем более дети рабочих превращаются в простые предметы торговли и рабочие инструменты.

«Но вы, коммунисты, хотите ввести общность жен!—кричит нам хором вся буржуазия.—Буржуа смотрит на свою жену, как на простое орудие производства. Он слышит, что орудия производства должны быть предоставлены в общее пользование и естественно приходит к тому заключению, что и женщины подвергнутся той же участи. Он и не подозревает, что речь идет об устранении того положения женщины, в котором она является простым орудием производства. Впрочем, нет ничего смешнее высоконравственного ужаса наших буржуа по поводу воображаемой официальной общности жен коммунистов. Коммунистам не нужно вводить общность жен, она почти всегда существовала. Не довольствуясь тем, что в их распоряжении находятся жены и дочери пролетариев, не говоря уже об официальной проституции, наши буржуа находят особенное наслаждение в том, чтобы соблазнять жен друг у друга.—В действительности буржуазный брак является общностью жен. Комму-

нистов можно было бы упрекнуть разве лишь в том, что они хотят поставить официальную, открытую общность жен на место лицемерно скрываемой. Но само собой разумеется, что с уничтожением современных условий производства исчезнет и создаваемая ими общность жен, т.-е. официальная и неофициальная проституция».

Мы видим, что и там, где Маркс использует проект Энгельса, он придает его аргументации более заостренный характер. Полемизируя против идеологов буржуазии, он не повторяет своей критики «грубого, нецивилизованного» коммунизма, но и в «Манифесте» он резко подчеркивает основное отличие коммунистического строя, поскольку речь идет о женщине: только этот строй создаст условия, при которых женщина перестанет быть простым орудием производства и наслаждения, при которых исчезнет всякая «официальная и неофициальная проституция».

Программа, изложенная в «Коммунистическом манифесте», легла в основу программы и нашей коммунистической партии. Ни у Маркса, ни у Энгельса, несмотря на некоторые индивидуальные различия, которые, однако, значительно сгладились в процессе со-

вместной работы вы не найдете никаких оснований для того, чтобы в лето 1926-е ставить вопрос: совместимы ли с отношениями социалистического общества беспорядочное половое общение или «половой коммунизм»? Такой вопрос свидетельствует, что его авторы стоят еще на точке зрения «грубого, нецивилизованного», некультурного коммунизма, который наивно думает, что он стоит выше буржуа, декламирующего против «социализации женщин», если он «безоговорочно» высказывается за «половой коммунизм» и его различные разновидности. Всякое многоженство или многомужество свидетельствует о низком культурном уровне его об'ектов и суб'ектов. В более распространенной форме многоженства или «двубрачия» (трехбрачия) оно указывает только на все еще продолжающееся господство «чистогана», хотя бы и в более прикрашенной форме, на «добровольное» превращение женщины в «курицу», на лицемерие во взаимоотношениях между «мужем» и «женой», не менее отвратительное, чем «двусмысленное, непристойное, лицемерное бытие» многобрачной буржуазной семьи.

Нет ничего смешнее наших глупеньких певцов «права на любовь», когда они в своем поэтическом или политическом экстазе во-

ображают; что они «поют» какие-нибудь новые песни. Маркс и Энгельс имели уже пред собой—а Энгельс даже принимал в нем непосредственное участие—опыт «Союза вольных», о котором Бакунин в «Государственности и анархии» пишет, что члены этого «первого кружка немецких нигилистов цинической последовательностью своей далеко превзошли самых ярых нигилистов России».

Марксу и Энгельсу хорошо были известны все крайности, в которые впали некоторые сен-симонисты, тоже выдвинувшие теорию «постоянных», которые созданы для единобрачия, и «непостоянных», которые могут помириться только с «скоротечным» браком. Они прекрасно понимали, что это интеллигентское увлечение крылатым Эросом явилось естественной, хотя и мало привлекательной, реакцией против существующего буржуазного брака со всеми его путами и ограничениями. Но они не менее прекрасно понимали, что развитие культуры, победа человечности над зверством, приведет к созданию новых форм полового общения, предполагающих всестороннее развитие не только мужчины, но и женщины, и исключающих всякий элемент животности или проституции.

VI

Когда я слушаю или читаю некоторых наших горе-коммунистов, то я, каюсь, слышу вещи, от которых, простите за грубое выражение, нас тошнило уже сорок лет назад. И в наших старых кружках встречались теоретики «скоротечных браков», которые с презрением говорили о «штампованной чести супругов и супруг», а в действительности стояли на таком же низком культурном уровне, что и сладострастные павианы из дворянской или буржуазной среды или те выходцы из рабочего класса, которых рабочие метко называют «фабричными быками». Правда, тогда эти «радикальные» и уже, конечно, не филистерские теории не преподносились ни в марксистском, ни в коммунистическом облачении.

Но—скажете вы наверное—Маркс и Энгельс ведь не остановились на той стадии развития, которой они достигли в «Коммунистическом манифесте»? Совершенно верно. После революции 1848 г. Маркс опять приступает к детальному изучению процесса развития буржуазного общества, к исследованию законов развития капиталистического строя, к повторному анализу всех условий, которые определяют положение рабочего

класса в эпоху господства капитала. Нельзя было, конечно, пройти мимо такого вопроса, как вопрос о семье и браке. Ведь одним из наиболее характерных отличий крупно-промышленной фазы развития капитализма является именно все более вырастающее применение женского и детского труда.

Действительно, Маркс в начале 50-х годов опять принимается за изучение «женского вопроса». В отличие от современных коммунистов, которые предпочитают полное разделение труда между мужским и женским полом даже в партийной организации,—женотдел ведает только «женским» вопросом, а мужотдел занят только «мужским»,—Маркс и Энгельс посвятили не мало времени изучению «женского» вопроса. Так, в бумагах Маркса я нашел несколько тетрадей (лето 1852 года), в которых имеются систематические выписки из книг по истории женщины и семьи в различные эпохи. Маркс уже тогда пришел к выводу, что формы семьи, которые мы на протяжении истории встречаем у различных народов, представляют в сущности различные фазы ее развития, нашедшие себе только более типичную форму у того или иного народа. Этот вывод был формулирован Марксом в первом томе «Капитала».

Но Марксу пришлось высказаться по женскому вопросу несколько раньше, в связи с дискуссией, завязавшейся в различных секциях Первого Интернационала. Французские прудонисты, вслед за своим учителем, защищали в этом пункте очень реакционные взгляды. По их мнению, сферой деятельности женщины должен был служить домашний очаг. В развитии женского труда они видели фактор, разлагающий семью, отвлекающий женщину от домашнего хозяйства.

По предложению Генерального совета первый (Женевский) конгресс Первого Интернационала (сентябрь 1866 г.) принял резолюцию, написанную Марксом. В ней между прочим сказано:

«Конгресс рассматривает тенденцию современной промышленности—привлекать к сотрудничеству, в великом деле общественного производства, детей и подростков о б о е г о п о л а,—как тенденцию прогрессивную, здоровую и законную, хотя при господстве капитала она превращается в ужасное зло. В рационально устроенном обществе всякий ребенок, начиная с девяти лет, должен быть производительным работником точно так же, как ни один физически здоровый взрослый человек не может быть освобожден от подчи-

нения общему закону природы: работать, чтобы иметь возможность есть, и работать не только умственно, но и физически».

В первом томе «Капитала» мы находим более подробное обоснование этого взгляда. Маркс показывает, как развитие капитализма подкапывает все основы старой семьи и радикально изменяет отношения не только между мужем и женой, но и между родителями и детьми.

«Как только фабричное законодательство приступает к регулированию так-называемого домашнего труда, на него начинают смотреть как на прямое вторжение в patria potestas, или, говоря современным языком, в сферу родительской власти,—шаг, который долго не решался сделать мягкосердый парламент, отговариваясь лицемерными фразами. Однако, сила фактов принудила, наконец, признать, что крупная промышленность, вместе с экономической основой прежнего семейного уклада и соответствующего ему семейного труда, разрушает и прежние семейные отношения. Пришлось провозгласить права детей».

Но крупная промышленность не только разрушает старую семью,—она в то же время создает элементы для развития новой.

«Как бы ужасно и отвратительно ни казалось разрушение старых семейных отношений при капиталистической системе, тем не менее крупная промышленность, силою той положительной роли, какую она дает женщинам, несовершеннолетним и детям обоего пола в общественно организованных процессах производства, вне домашней сферы, создает новое экономическое основание для высших форм семьи и отношений обоих полов. Разумеется, столь же нелепо считать христианско-германскую форму семьи абсолютною, как и древне-римскую, древне-греческую или восточную, которые, впрочем, все вместе взятые, образуют собою ряд поступательных форм развития. Настолько же ясно, что состав коллективного рабочего персонала из лиц обоего пола и самых различных возрастов, при соответственных обстоятельствах, должен обратиться в источник человеческого развития,—хотя его грубая капиталистическая форма, где рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства—для рабочего, есть источник нравственной порчи и рабства».

Необходимо отметить, что Маркс неоднократно подчеркивает в первом томе «Капитала», что «в самом начале человеческой

культуры только семейства, роды и т. д. выступают самостоятельно по отношению друг к другу, но не отдельные частные лица». Но он стоял тогда еще на той точке зрения,— он повторил ее и во втором издании в 1872 г.,—что первичной формой является семья, из которой лишь позже развивается более обширная группа — р о д. Но после Маркс отказался от этого взгляда. Как указывает Энгельс в примечании к третьему изданию «Капитала», «позднейшие, весьма основательные занятия по изучению первобытных условий существования человека привели Маркса к заключению, что первоначально не семья развилась в род, а что, наоборот, первоначальной и стихийно возникшей формой человеческого общества был род, основанный на кровном родстве, так что лишь после того, как родовые связи стали ослабевать, начали развиваться многоразличные формы семьи».

На изменение взглядов Маркса повлиял новый труд Моргана «Древнее общество», вышедший в 1877 г. В бумагах Маркса сохранилась огромная тетрадь с подробными выписками из книги Моргана. По словам Энгельса, его друг намеревался изложить результаты исследований Моргана в связи с

данными материалистического понимания истории, но ему не суждено было выполнить это намерение. Работа была выполнена самим Энгельсом, который использовал не только сделанный Марксом конспект Моргана, но и старые тетради, о которых я уже говорил раньше. Таким образом можно сказать, что книга Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» является до известной степени общей работой Маркса и Энгельса. Многие факты, приводимые последним, заимствованы из конспектов Маркса.

VII

Со времени выхода книги Моргана прошло уже почти пятьдесят лет; прошло уже тридцать пять лет и со времени выхода последнего издания книжки Энгельса. За этот период времени новые исследования в области доисторической жизни человечества внесли целый ряд дополнений и поправок к выводам Энгельса. Но если изображение исторической последовательности различных форм брака и семьи во многих частностях устарело, то основное положение, отрицающее старый взгляд на происхождение семьи, осталось непоколебленным. Остается еще и до сих пор непревзойденной набросанная рукой мастера картина семейных отношений,

как они складываются в эпоху буржуазной цивилизации под влиянием господства частной собственности. Посмотрим же, какие взгляды на развитие брака и семьи защищает Энгельс, какие формы общения полов, по его мнению, больше всего соответствуют отношениям социалистического или коммунистического общества.

Прежде всего надо заметить, что Энгельс определенно считает единобрачие высшей формой общения полов, поскольку последнее основано не на животном чувстве, не на потребности спаривания, а на индивидуальной половой любви. Первоначальная форма общения полов, так-называемое беспорядочное половое общение, существовала только на заре человеческой истории, когда первобытные человеко-обезьяны доработались из животного царства до человеческого состояния.

«Бахофен, — пишет Энгельс, — безусловно прав, когда настойчиво утверждает, что переход от так называемого им гетеризма к единобрачию совершился главным образом благодаря женщинам. Чем больше развивались экономические отношения, приводившие к разложению первобытного коммунизма и возрастанию плотности населения, чем больше унаследованные издревле отношения между

полами утрачивали свой первобытно наивный характер, тем больше должны они были казаться женщинам унизительными и тягостными, тем настойчивее должны были женщины добиваться, как избавления, права на целомудрие, на временный или длительный брак лишь с одним мужчиной».

Проследив происхождение единобрачия у древних греков, Энгельс замечает, что «оно отнюдь не было плодом индивидуальной любви, с которой оно не имело абсолютно ничего общего, так как браки попрежнему оставались браками по расчету. Оно явилось первой формой семьи, в основе которой лежали не естественные, а экономические услозия, а именно победа частной собственности над первоначальной первобытной общинной собственностью».

При своем появлении в истории единичный брак означает порабощение одного пола другим, женщины—мужчиной. И все же Энгельс считает его крупным историческим прогрессом. Только из моногамии развивается «величаший нравственный прогресс, которым мы ей обязаны: современная индивидуальная половая любовь, совершенно неизвестная всему древнему миру».

Я считаю лишним повторять теперь критику, которой Энгельс подвергает индивидуальную семью. «Освобождение женщины предполагает своим первым предварительным условием возвращение всего женского пола к общественному труду, а это требует в свою очередь, чтобы индивидуальная семья перестала быть основной хозяйственной ячейкой общества... Мы идем навстречу общественному перевороту, когда существовавшие до сих пор экономические основы моногамии столь же неминуемо исчезнут, как и ее дополнение—проституция».

Но если единобрачие обусловлено экономическими причинами, то не исчезнет ли оно само, как только исчезнут эти вызывавшие и поддерживавшие его существование экономические причины, не будет ли единобрачие с переходом в общественную собственность всех средств производства заменено другой формой общения полов, более соответствующей отношениям социалистического общества?

«Можно с полным правом ответить,—пишет Энгельс,—что оно не только не исчезнет, но, скорее, впервые вполне осуществится. Ибо вместе с превращением средств производства в общественную

собственность исчезнет также и наемный труд, пролетариат, а, следовательно, и необходимость для известного числа (статистически вычисляемого) женщин отдаваться за деньги. С исчезновением же проституции моногамия вместо того, чтобы прекратить свое существование, станет, наконец, действительностью также и для мужчин».

Женщины будут тогда освобождены от всех уз, налагаемых на них буржуазным обществом. Тирания «домашнего горшка» исчезнет. Женщина не будет прикована к домашнему очагу. Уход за детьми, воспитание их превратятся в общественное дело; исчезнет всякая разница в положении «брачных» и «внебрачных» детей. Но, может быть, именно это обстоятельство, хотя и в другой форме, приведет к восстановлению старых форм общения полов, более соответствующих коммунистическому строю?

Энгельс тоже ставит этот вопрос. «Не явится ли это, — пишет он, — достаточной причиной для постепенного развития беспорядочных половых отношений, а вместе с тем и большей снисходительности общественного мнения по отношению к девической чести и женской стыдливости? И, наконец, разве мы не видели, что в современном мире

моногамия и проституция хотя и являются противоречиями, но противоречиями неизбежными, полюсами одного и того же общественного порядка? Может ли исчезнуть проституция, не увлекая за собою в бездну и моногамию?»

И Энгельс категорически отвечает: нет. Я уже приводил его отзыв о современном личном чувстве любви, современной индивидуальной половой любви: он видит в ней «величайший нравственный прогресс». Именно в развитии этого фактора, который ко времени развития моногамии существовал только в зародыше, Энгельс видит гарантию против восстановления «беспорядочных» или «неупорядоченных» половых отношений. Он подкрепляет свой вывод очерком истории индивидуальной половой любви.

«До начала средних веков не может быть и речи об индивидуальной половой любви. Само собою понятно, что красота, близкие отношения, одинаковые склонности и т. п. пробуждали у людей различного пола стремление к половому общению, что как для мужчин, так и для женщин не было совершенно безразлично, с кем они вступали в эту самую интимную связь. Но от этого до

половой любви нашего времени еще бесконечно далеко».

Чем же отличается современная половая любовь?

«Во-первых, она предполагает у любимого существа взаимную любовь; в этом смысле женщина оказывается равной мужчине, тогда как во времена древнего Эроса о склонности женщины отнюдь не всегда осведомлялись. Во-вторых, половая любовь знает такую степень интенсивности и продолжительности, при которой необладание и разлука представляются обеим сторонам большим, если не величайшим, несчастием; они готовы стдать многое, вплоть до самой жизни, лишь бы обладать друг другом, что в древности случалось самое большее при супружеской неверности. И, наконец, возникает новое нравственное мерило для оценки половой близости: теперь уже не спрашивают, в браке или не в браке происходит половая связь, а только устанавливается, порождена она любовью и ответной любовью или нет».

Энгельс дает дальше очерк развития индивидуальной половой любви в средние века и новое время. Он прослеживает, как под влиянием изменявшихся экономических условий изменялись и условия заключения браков,

как медленно завоевывалась обеими сторонами свобода выбора.

«Полная свобода при заключении браков может быть таким образом вполне проведена только после того, как уничтожение капиталистического производства и созданных им отношений собственности устранит все побочные экономические соображения, оказывающие еще в настоящее время столь громадное влияние на выбор супруга. Тогда не останется уже другого мотива, кроме взаимной склонности».

Энгельс повторяет ту же самую мысль, которую развивал Маркс в своих ранних статьях. Процесс развития человечества выражается в неуклонном освобождении от власти животного элемента,—не от власти природы, а от власти животного. Вся история человеческой культуры есть постепенное высвобождение из пут животного царства; она есть постепенное очеловечивание той самой природы, которая на заре истории еще целиком определяла человека. На место старого, п р и р о д н о г о, человека становится о б щ е с т в е н н ы й человек, старое естественное р о д о в о е сознание заменяется все больше с о ц и а л ь н ы м сознанием. К п р и р о д н о м у неравенству человеческая исто-

рия прибавляет различные формы социального неравенства. Капиталистическое общество создает все материальные и интеллектуальные предпосылки для уничтожения этого социального неравенства. Это проведение полного равенства не может, конечно, уничтожить тех естественных различий, которые существуют и будут существовать как результат физиологического разделения полов, но дальнейшее развитие культуры должно привести к тому, чтобы всякие препятствия, устанавливаемые обществом, экономикой, политикой и мешающие этому равенству, исчезли. Вспомним опять цитируемые Марксом и Энгельсом слова Фурье: «В отношениях между женщиной и мужчиной, слабым и сильным, наиболее отчетливо выявляется победа человеческой природы над зверством. Степень освобождения женщины представляет естественное мерило всеобщего освобождения». Только тогда, когда половая любовь освобождается от всех элементов животности и принуждения, открытого или прикрытого, когда она превращается, говоря словами Маркса, в один из моментов духовного единения, основанного на полном социальном и бытовом равенстве мужчины и женщины,—создаются все предпосылки для

новой, более высокой формы моногамии.

«Так как половая любовь,—пишет дальше Энгельс,—по природе своей исключительна, хотя ныне эта исключительность осуществляется вполне только в лице женщины, то основанный на половой любви брак по природе своей должен быть единобрачием. Мы видели, насколько прав был Бахофен, усматривая в переходе от группового брака к индивидуальному браку преимущественно дело женщин; только переход от парного брака к моногамии следует приписать мужчинам. Исторически последний переход по существу сводился к ухудшению положения женщины и облегчению неверности мужчины. Поэтому, стоит только отпасть тем экономическим соображениям, в силу которых женщины мирились с этой обычной неверностью мужчин,—то были опасения за свое собственное существование, а еще более за будущность своих детей,—и достигнутое благодаря этому равноправие женщины, судя по всему прежнему опыту, будет в бесконечно более сильной степени содействовать тому, что мужчины станут действительно моногамны, чем тому, что женщины проявят стремление к полиандрии (многомужеству)».

VIII

Некоторые товарищи делали попытку сослаться на Ленина, но попытку весьма неудачную. В мою задачу не входит рассмотрение взглядов Ленина на брак и семью. Могу, однако, сказать, что Ленин целиком и полностью разделял изложенные мною взгляды Маркса и Энгельса. Когда он в 1903 г. издавал под своей редакцией русский перевод одной из лучших работ Каутского «Социальная революция», он счел нужным приложить к этой брошюре, между прочим, и последнюю главу второй части «Аграрного вопроса», другой работы Каутского, которую Ленин ставил весьма высоко. Речь идет о «будущности собственного жилища». Каутский показывает, вслед за Марксом и Энгельсом, как экономическое развитие делает все более ненужным ведение собственного домашнего хозяйства, все больше и больше подкапывает хозяйственную основу семьи. Значит ли это, что исчезнет и сама семья? Нет. Для нее «есть уже новая, высшая основа — индивидуальность».

«В социалистическом обществе индивидуализм, т.-е. стремление к свободному развитию личности, должен приобрести еще не-

сравненно больше силы и распространиться гораздо шире, нежели в обществе капиталистическом, по мере того как будут распространяться образование, благосостояние и досуг... Вместе с индивидуализмом вырастает и индивидуальная половая любовь, которая находит себе удовлетворение только в соединении и совместной жизни с одним, определенным индивидуумом другого пола... В социалистическом обществе, которое не знает этих крайностей (нужды и богатства) и все более и более отодвигает назад обособленное домашнее хозяйство, именно благодаря этому и разовьется вполне свободно личный характер брака и семьи. Этот личный характер и теперь уже в сознании всех служит моральным критерием для оценки семьи и брака... Следовательно, исчезновение частного домашнего хозяйства не означает уничтожения брака и семьи. С уничтожением собственного очага еще отнюдь не уничтожается собственное жилище. Современная культура знает другого рода семейные узы, помимо кухни и прачечной. Исчезновение частного домашнего хозяйства означает лишь превращение семьи из экономической единицы в чисто этическую,—оно означает осуществление того нравственного

требования, которое созрело уже в настоящее время под влиянием развития индивидуализма, вызванного ростом современных производительных сил».

Наш язык недостаточно богат, чтобы эту новую форму единобрачия окрестить особым именем, но к этому индивидуальному браку, основанному только на нравственном начале, освобожденному от всех примесей чистогана и проституции как для мужчины, так и для женщины, и идет человеческое общество по мере того, как оно сбрасывает с себя путы частной собственности, по мере того, как всякая разновидность з в е р с т в а, ж и в о т н о с т и все больше и больше уступает место ч е л о в е ч н о с т и, по мере того как с т а д н о с т ь вытесняется и н д и в и д у а л ь н о с т ь ю, — не той индивидуальностью, развитие которой в классовом обществе достигается за счет подавления индивидуальности эксплоатируемых классов, а той свободной, всесторонне развитой личностью, которая может развиваться только в обществе, где «свободное развитие к а ж д о г о будет условием свободного развития в с е х».

Энгельс совершенно верно указывает, что инициатива в сокращении многобрачия исхо-

дила от женщины. Высшая форма единобрачия предполагает полную свободу развода, нравственную чистоту, безусловную честность, отсутствие лжи и лицемерия в отношениях мужчины и женщины. Она будет укрепляться все больше и больше по мере освобождения женщины от домашнего рабства, по мере освобождения мужчины от всяких следов зверства, по мере уничтожения женской и мужской проституции, пропорционально росту чувства самоуважения и чувства уважения к чужой личности.

Не всякое спаривание есть брак. Павиан сродни человеку, но человек не должен оставаться на ступени развития павиана. Повторяю то, что так прекрасно развито у Маркса: от животных инстинктов, от тех животных чувств, которые развиваются в человеческих курятниках и в случных пунктах,—от этих животных чувств человечество в своем развитии освобождается, должно освободиться и освободится. Оно не может, конечно, освободиться от законов природы. Но оно очеловечивает все свои животные потребности, оно подчиняет их разуму. Только нравственные кретины могут щеголять таким «материализмом», для которого удовлетворение потребности в пище и удо-

влетворение половой потребности едино суть. Об'ектом первой потребности является неодушевленный предмет, об'ектом второй— живое, наслаждающееся и страдающее существо. Половое влечение заложено в организме, на известной ступени физиологического развития оно является одним из главных условий полного расцвета физических и духовных сил. Но нужно, необходимо, чтобы удовлетворение этого влечения составляло только один из моментов взаимного общения, без которого человеческая жизнь не полна, без которого она ущербляется, но который никогда не возводится в венец человеческой жизни. Только развитая форма индивидуального брака, основанного на полном взаимном уважении и полном социальном равенстве двух различающихся физиологически личностей, говоря словами Маркса, «претворяет веление природы в один из моментов духовного единения».

В заключение я перехожу к вопросу, который является смычкой между этими общими теоретическими положениями и нашим законодательством о браке и семье.

Вам известно, вероятно, что, согласно новому закону, регистрация брака производит-

ся в интересах государства и общества. Наши не в меру усердные новаторы хотели старый хороший закон, о котором Ленин вполне справедливо говорил, что это один из самых радикальных законов Октябрьской революции, превратить в обычный буржуазный закон, заявив, что регистрация производится только для защиты личных и имущественных прав. Такой формулировкой они подчеркивали переход от Октября к нэпу и в области советского права.

Тов. Преображенский, как хороший старый партийный работник, прекрасно знает, что всякие разговоры на эту тему,—в эти отношения, в эти дела общество не должно соваться, не должно запускать свою лапу,—только буржуазная, анархическая или просто мещанская болтовня.

«С точки зрения социалистической,—говорит тов. Преображенский,—является совершенно бессмысленным взгляд отдельного члена общества на свое тело, как на свою безусловную личную собственность, потому что индивид есть лишь отдельная точка при переходе рода от прошлого к будущему. Но в десять раз более бессмысленным является такой же взгляд на «свое» потомство».

Тов. Преображенский идет еще дальше. Он требует «самой беспощадной борьбы с теми, которые распространяют половые болезни, не задумываясь о том, какое преступление они делают против других членов общества, часто против своих же товарищей по классу». Он признает «полное и безусловное право общества довести свою регламентацию до вмешательства в половую жизнь в целях улучшения расы путем искусственного полового подбора».

Тов. Преображенский должен поэтому признать, что я был совершенно прав, когда доказывал, что регистрация брака, при полной свободе развода, безусловно необходима, и необходима именно в интересах государства и общества. Регистрация представляет самую мягкую форму регламентации брака. Только она дает возможность контролировать выполнение целого ряда условий, которые общество, находящееся на пути развития к социализму, государство, в котором господствующим классом является пролетариат, ставит гражданам в интересах общественного развития—определенный возраст, отсутствие тех или иных физических или психических дефектов, слишком близкое кровное родство. Все эти условия предста-

вляют минимум тех норм, которые, по словам тов. Преображенского, диктуются «задачами физического сохранения и укрепления расы».

Я уже сказал, и товарищи это прекрасно знают, что мы находимся теперь только в периоде перехода к социалистическому обществу. Мы уже осуществили основные условия—захват власти пролетариатом, переход главных средств производства в руки общества,—которые необходимы, чтобы преобразовать буржуазное общество в социалистическое, но мы еще не осуществили вполне социализма. Это дело не одного года.

Но и социалистическое общество само является только первой фазой, представляет только переход к более высокой фазе развития нового человеческого общества—к коммунизму. В социалистическом строе мы освободимся от целого ряда норм юридических и иных, которые мы еще сохраняем в эпоху перехода к социализму. Пока мы можем ослаблять их действие, бороться с их последствиями, следить за тем, чтобы они не приносили ущерба развитию социализма. Все эти недостатки крепко связаны с переходным периодом. Но даже тогда, когда социализм будет целиком осуществлен, когда принудительная власть государства бу-

дет сведена к минимуму, когда будет окончательно уничтожено сопротивление побежденных классов, все еще будут сохраняться некоторые нормы, навыки, различия между людьми, оставшиеся в наследство от старого строя. Частная собственность перестанет превращаться в капиталистическую частную собственность, в средство эксплоатации человека человеком, но она еще долго будет сохраняться вместе с ее основой и дополнением—мелким хозяйством. Пройдет не мало времени, пока исчезнет домашнее хозяйство, приковывающее женщину к кухне и детской, пока обширная сеть яслей, детских садов, общественных столовых освободит женщину, пока развитие производительных сил даст возможность при соответственном сокращении рабочего времени превратить всех трудоспособных женщин в равноправных членов промышленной армии труда. Только тогда будут созданы все условия для осуществления коммунизма. С исчезновением государства исчезнет всякая принудительная власть. Каждый член общества будет настолько культурно развит, настолько пропитан сознанием своих общественных обязанностей, что они превратятся для него в органическую, естественную по-

требность. Исчезнет необходимость в таких стимулах, как сдельщина, как более высокое вознаграждение за более высокие способности и т. д. Каждый будет давать обществу в меру своих способностей и будет получать от него в меру своих потребностей. Исчезнет всякая зависимость женщины от мужчины, всякое подчинение женщины «домашнему очагу».

Сохранится ли и в этой высшей форме человеческого общества регламентация брака, его регистрация? Конечно, да. Разница только в том, что тогда такая регистрация, такой самоучет, станет такой же естественной обязанностью перед обществом, как и обязанность труда. Коммунизм немыслим без учета всех производительных сил и всех потребностей общества, а наиболее драгоценной производительной силой и в коммунистическом обществе является человек.

В той самой резолюции Маркса, которая принята была Женевским конгрессом Первого Интернационала, мы читаем:

«Наиболее сознательная часть рабочего класса хорошо понимает, что будущее их класса, а следовательно, и человечества, вполне зависит от состава подрастающего рабочего поколения. Они знают, что прежде

всего дети и подростки должны быть избавлены от пагубного действия существующей системы. А это может быть достигнуто только путем превращения социального разума в социальную силу; при данных же условиях нет никакого другого средства достижения этой цели, как общие законы, опирающиеся на силу государства».

В коммунистическом обществе править и регулировать будет только социальный разум. Он будет опираться на моральный авторитет, который приобретает общество над отдельной личностью. Свободная трудовая дисциплина и свободное, «вынужденное» только сознанием своих обязанностей перед обществом, повиновение сообща установленным нормам обеспечат выполнение велений социального разума. И одной из таких норм, принятых в интересах общественного развития, в интересах обеспечения здорового подрастающего поколения, останется регистрация, учет брака.

Много еще потребуется усилий, чтобы справиться с гнусным наследием прошлого. И самым гнусным его пережитком является проституция, эта отвратительнейшая форма эксплоатации человека. Посмотрите, что делается вокруг нас, в государстве, где власть

находится в руках пролетариата. Острое чувство горечи и стыда охватывает каждого из нас, когда на десятом году пролетарской революции мы все еще видим картину глубокого унижения женщины, вынужденной продавать свое тело и душу, чтобы жить.

Только коммунизм, уничтожая без остатка частную собственность со всей ее идеологией, уничтожая все социальные разделения внутри общества, приведет к полной победе человечности над всяким зверством—к полному освобождению женщины.

20 коп.
р

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ

Москва, Новая площадь, д. № 6-8
Ленинград, Проспект 25 Октября, 54
Харьков, Троицкий пер., д. № 2
Ростов н/Дону, Просп. Подбельского, д. 15
Киев, улица Воровского, 25, Пассаж, 33
Свердловск, улица Ленина, 40